РАЗРЕЗ АХАНГАРАНСКОЙ ДОЛИНЫ

Слева — Чаткальский хребет, справа – Кураминский. Их верхушки покрыты снегом, а в долине бушует весна. Автобус мчит журналистов по долине вверх к угольному разрезу «Ангренский». Кто-то из участников медиатура едет сюда впервые, кто-то уже здесь бывал и находится в предвкушении грандиозных масштабов угледобычи.

«Зеркало XXI», 18.5.2011г. **Слева — Чаткальский хребет, справа – Кураминский. Их верхушки покрыты снегом, а в долине бушует весна. Автобус мчит журналистов по долине вверх к угольному разрезу «Ангренский». Кто-то из участников медиатура едет сюда впервые, кто-то уже здесь бывал и находится в предвкушении грандиозных масштабов угледобычи.**

Пути к «солнечному камню»

Весело смотреть на вспаханные и зеленеющие поля, башни цементного завода. Издалека замечаем градирни, похожие на шахматных «слонов». Пар над ними – как увертюра к выбросам главной трубы Ново-Ангренской тепловой электростанции. Наверное, сегодня станция работает на газе, дым – белый. А по другую сторону поближе

к горам высится целая «роща» труб Ангренской ТЭС. Про нее говорят, что нынче она работает на мазуте и потому изрыгает чернь. Дым размазывается по долине и в ясный день Кураминские горы, словно в туче.

Нам, путешественникам, сразу не понять, к радости или к печали то, что скоро обе эти станции станут работать исключительно на ангренском угле. О планах модернизации нам расскажут на разрезе, а пока едем и удивляемся, как жили до него.

В двадцатые годы прошлого столетия, когда началась индустриализация, везли уголь в

республику из Донбасса и Кузбасса. Стоимость завозимых угля, нефти и химических удобрений более чем в два раза превышала себестоимость местной продукции. Тогда и началась в Узбекистане активная геологоразведка.
Ахангаранская долина на ту пору представляла собой малонаселенную местность с несколькими кишлаками. Приметы месторождения здесь находили — жители Турк-кишлака собирали «солнечный камень», вымытый паводковыми водами. И все же долина считалась куда перспективнее для добычи строительных материалов. Их и прибыла искать в 1933-м в район реки Ангрен геологическая партия. Обнаружила полтора десятка месторождений различных строительных материалов. А неподалеку от кишлака Джигиристан вела поиск каолинов. Было известно, что еще в XIX веке тут добывали глину, которую использовали в вагоноремонтных мастерских Ташкента как огнеупорную.
Шурфы бурили на глубину 20 метров. Обнаружили и каолины, а на глубине в девять метров — угольный пласт мощностью чуть более метра. Можно представить, как ликовали первооткрыватели, найдя уголь неподалеку от столицы. Руководитель экспедиции Д.Богданович решил пробить два сверхплановых шурфа на левом берегу реки Ангрен. Но на промышленный пласт выйти не удалось. Прогнозы Богдановича о его наличии приняты во внимание не были, за самовольное расходование средств геолога уволили и отдали под суд. Но разведка недр продолжалась. И в 1940 году геологоразведочная партия под руководством Г.Чикрызова обнаружила уголь па берегу реки Ангрен возле устья Заган-сая.

Наш автобус прибывает в Ангрен. В центре города видим памятник первооткрывателям. Среди них — не только Чикрызов и Богданович, которого, по счастью, в 1941-м вернули в геологоразведку, но и многие другие. Они искали полезные ископаемые в очень сложных условиях.
По легенде клад «солнечного камня» принадлежал злому волшебнику. Злой волшебник ни с кем не хотел им делиться. Но была у него дочка Адаль, полюбившая чабана Ангрена, что, конечно же, держалось в тайне от отца. Однажды она сказала юноше: «Чудесные камни сберегают много тепла и света. Открой эту тайну людям, у них потухли очаги, им нечем согреться в непогоду…» Чабан отправился искать клад, но не сумел найти в одиночку. И тогда он превратился в бурную реку, привлекая к себе людей. Однажды пришли к Ангрену люди и отыскали клад злого волшебника — угленосные пласты каменного угля.

У края разреза

Девочка сидит на качелях, а подружка раскачивает. Они исподтишка посматривают на большую группу журналистов, выгрузившуюся из автобуса рядом со зданием акционерного общества «Узбеккумир» и их детской площадкой. Девчушкам невдомек, что и тут, и там в сороковые годы предполагалось разместить отвалы вскрышных пород. Для них это невероятно древняя история — городу скоро 65 лет.
В июне 1946 года Президиум Верховного Совета республики издал Указ: «Выделить рабочий поселок «Ангреншахтстрой» из состава Ахангаранского района Ташкентской области, преобразовав его в город Ангрен областного подчинения». Тогда хватало

дискуссий, где строить город. Угольщики нынешнюю территорию города планировали занять отвалами, архитекторы с ними спорили, утверждая, что это лучшее место для жилья 260 тысяч человек, и сумели отстоять свою точку зрения.

Население прирастало горняками, энергетиками, транспортниками. Потом появились завод по производству резинотехнических изделий и керамический комбинат. Но основа всего – добыча твердого топлива.

Нам, столичным журналистам, как тем детям, трудно представить, что по территории будущих разработок бежала река, что природа была нетронутой, а кузнец из Джигиристана, кишлака над «кладом», возил уголь для кузницы на ишаке из Ташкента. Говорят, так было. В сентябре 1940 года рядом с Джигиристаном установили свои первые палатки угледобытчики. Прибив к тутовнику доску с надписью: «Управление Ангреншахтстроя», застолбили место. За три месяца сюда, на строительство поселка и шахт, прибыло около двух тысяч человек. Темпы были ударные, и уже в декабре шахтеры выдали на-гора первые триста тонн угля. Накануне нового года на глубине в 51 метр горняки достигли промышленного пласта угля и добыли его первую тонну…

Кадры кинохроники нам «крутят» в «Узбеккумир», который по привычке многие величают «Узбекуглем». Голос диктора из прошлого с подъемом рассказывает, как ударно трудятся передовики, перекрывая нормы в два с лишним раза. Мы, журналисты, думаем о том, что и сами не раз с воодушевлением писали о трудовых подвигах. Да только

наше время иное, оно – с экскаваторами, бульдозерами, многотонными самосвалами. А в том времени, из кинохроники сороковых, главные орудия труда – кирки, кайло, тачки да носилки. Видим все это на экране. Как строится первая шахта, автодорога, как за десять месяц прокладывается железная магистраль до Ташкента и как 1 мая 1942 года отправляется первый эшелон. За первый год было добыто 30 тысяч тонн угля, по тому времени рекордно много, хотя проходка шахты шла вручную, а людей косила малярия.

Был бы разрез, взяли больше. Хотели его строить, но залегание пластов оказалось глубже, чем ожидали. Для снятия вскрыши требовались экскаваторы. Шла война, какие уж тут экскаваторы.

Какие сейчас экскаваторы, мы видим, когда автобус подвозит к разрезу. Самые новые – в 25 метров от гусеницы до верха стрелы. Но разрез столь огромен, что и такие гиганты

кажутся в нем малышами. Грубо говоря, Ангренский разрез, строить который стали на следующий год после окончания Второй мировой войны, – это огромная яма с тремя уступами, которую год за годом «выгрызали» горняки. Глубина достигает 180 метров на юге и 320 метров в северной части.

Разведанные запасы Ангренского месторождения оцениваются в 1,8 млрд. тонн. Шахты спустя годы закрыли, а на двух разрезах — «Ангренском» и соседнем «Апартаке» — добыча ведется открытым способом. Выдано из них на-гора 200 млн.тонн угля. Даже если увеличить добычу с нынешних трех миллионов тонн до 12-13 млн.тонн в год, что планируется сделать к 2015 году, то и в этом случае будет что извлекать еще сто лет и дольше.
Мы смотрим в глубь карьера. Так вот он какой! В уступах и дорогах, железнодорожных путях и конвейерных линиях. Кое-где на дне видим блюдца воды. Это речкины следы.

Хороша будет долина
Ангрен, который, по легенде, привел людей к «кладу», при добыче угля немало им мешал. Мы увидели речной поток за несколько километров до месторождения, вырывающимся из отверстия диаметром с автобус. Километры он бежит в обход по бетонной трубе. Таким стало русло в начале семидесятых. А первый обводной канал для реки люди начали прокладывать в 1956-м. Сколько ж за год строительства перенесли земли на носилках!

Но тот первый канал был совсем иным. Вода дренировала, высокие водопритоки препятствовали работе, а глинистые породы угрожали оползнями. Что и случилось в 1963-м, когда гигантский оползень из глины и щебня длиной в семьсот метров сполз по северному борту, накрыв угольный пласт. Про оползни нам говорят, показывая вдаль в сторону разреза «Апартак». И там оползни накрывали угольные пласты, перерезали коммуникации. В итоге «Апартак» снизил годовую добычу с 500-700 тысяч тонн до 200 тысяч. А разрез «Наугарзан» пришлось и вовсе закрыть, так как зашевелился древний Туркский оползень, мешая планам, сводя на нет тяжелый труд. Насколько он тяжел, можно прикинуть в тоннах. Верхний слой разрыхляется взрывами и вывозится. Раньше на тонну угля приходилась тонна вскрыши. Ну а чем глубже, тем ее больше.
Угольная залежь на месторождении имеет сложное строение, состоит из верхнего и нижнего комплексов. Уголь есть и в верхнем, но эта многометровая толщь очень слоиста — уголь перемежается с галечником и каолинами. Поэтому к разработке был намечен

«мощный» пласт нижнего комплекса, а верхний удалялся в отвалы. На левом берегу реки Ангрен отвалы заняли более 1200 гектаров. Есть они и внутри разреза, занимая еще полтораста гектаров.
Техническое перевооружение угольной отрасли Узбекистана, два этапа которого рассчитаны на 2011-2015 годы, увеличит не только объемы добытого угля, но и вскрыши. Ежегодный объем вскрышных работ перевалит за 40 миллионов тонн.

Куда их девать? Стоя на краю разреза, легко следить за рассказом специалистов. Вот там – серые и пестроцветные каолины, а там – вторичные. Увеличится их переработка. Сейчас идут в отвалы, а пойдут на дело. Ну а те породы, что все же предназначены для отвалов, далеко везти не придется. По десятикилометровому транспортеру их подадут в уже отработанную часть разреза, и вскоре она превратится в часть горной долины: «После рекультивации не отличишь от нетронутой земли».
Мы немного скептичны к прогнозу: «Разве получится?» А нам обещают показать, что получилось: «566 гектаров рекультивировали, посадили на них десятки тысяч декоративных и фруктовых деревьев». Едем в сады и не верим, что здесь были отвалы. Но ведь были! На склоне, прилегающем к трассе, свежевспаханная земля и прикопанные

саженцы, и рядами другие, зеленеющие на фоне снежных горных вершин.
Просим у рабочих лопаты, изрядно подзабыв, когда сажали деревья, ведь все больше спрашиваем, да пишем. Нас ждут и лопаты, и саженцы. Поездку организаторы медиатура из Госкомприроды задумывали так, чтобы каждый прочувствовал, как было и что будет. По синим небом на ровном свежевспаханном поле, где был отвал, с детской ностальгией сажаем деревья. А над головой дымы от двух тепловых электростанций ветер гоняет, словно тучи. Роза ветров здесь, в Ахангаранской долине такова, что крепко их держит. И тихо-тихо все здесь же и оседает.
Мы донимаем вопросами здешних экологов про превышения предельно допустимых концентраций выбросов и какими будут выбросы после реконструкции не только угольных разрезов, но и тепловых электростанций. «Станет воздух в долине чище или грязнее?»

В ответ обещают. Говорят, что выиграли тендер экологичные проекты, что ангренский уголь, который через несколько лет целиком заменит газ на ТЭС, будет невысокой зольности, что там, где мы посадили деревья, никогда не появятся отвалы вскрыши и грязные золошлакоотвалы. А еще утверждают, что очистные сооружения реконструированных ТЭС будут на высоте. Хороша будет долина.

Наталия ШУЛЕПИНА.
«Зеркало XXI», 18.5.2011г.

Добро пожаловать на канал SREDA.UZ в Telegram

20.05.2011